

П. И. Мельников-Печерский

В лесах.

Книга вторая

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М48

М48 **Мельников-Печерский П.И.**
В лесах.: Книга вторая / П. И. Мельников-Печерский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 329 с.

ISBN 978-5-4241-1770-1

В романе "В лесах" П.И.Мельников (Андрей Печерский) описывает жизнь старообрядцев в раскольничьих скитах Заволжья во второй половине XIX века, изображает их быт, нравы и психологию.

Многие страницы романа являются жемчужинами русской художественной прозы.

Роман представляет значительный интерес для читателя, так как и до настоящего времени не утратил своей высокой художественной и познавательной ценности.

ISBN 978-5-4241-1770-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Мельников-Печерский Павел
В лесах. Книга вторая

Часть третья

Глава первая

Весенние гулянки по селам и деревням начинаются с качелей святой недели и с радуницких хороводов. Они тянутся вплоть до Петрова розговенья. На тех гулянках водят хороводы обрядные, поют песни заветные — то останки старинных праздников, что справляли наши предки во славу своих развеселых богов.

По чистому всполю, по зеленым рошам, по берегам речек, всю весну молодежь празднует веселому Яр-Хмелю, богу сердечных утех и любовной сласти... То-то веселья, то-то забав!.. Милованью да затейным играм конца нет...

До солнечного восхода раздаются звонкие песни и топот удалых плясок на тех праздниках... Кроме дней обрядных, лишь только выдастся ясный тихий вечер, молодежь, забыв усталость дневной работы, не помышляя о завтрашнем труде, резво бежит веселой гурьбой на урочное место и до свету водит там хороводы, громко припевая, как «Вокруг города Царева ходил-гулял царев сын королев», как «В Арзамасе на украсе собиралися молодушки в един круг», как «Ехал пан от князя пьян» и как «Селезень по реченьке сплавливал, свои сизые крылышки складывал»... Слышатся в тех песнях поминки про Дунай-реку, про тихий Дон, про глубокие омуты днепровские, про широкое раздолье Волги-матушки, про московскую реку Сомородину... Лебеди белые, соколы ясные, вольная птица журинька, кусты раковые, мурава зеленая, цветы лазоревые, духи малиновые, мосты калиновые, — одни за другими вспоминаются в тех величавых, сановитых песнях, что могли вылиться только из души русского человека на его безграничных, раздольных от моря до моря раскинувшихся равнинах.

Не успели оглянуться после Радуницы, как реки в берега вошли и наступило пролетье... Еще день-два миновало, и прикатил теплый Микула с кормом¹. Где хлеба довольно в закромах уцелело, там к Микулину дню брагу варят, меда ставят, брагчину-микульщину справляют, но таких мест немного. Вешнему Микуле за чарой вина больше празднуют.

В лесах на севере в тот день первый оратай русской земли вспоминался, любимый сын Матери Сырой Земли, богатырь, крестьянством излюбленный, Микула Селянинович, с его сошкой дорога чёрна дерева, с его гужиками шелковыми, с омежиком² серебряным, с присошками красна золота.

Микулу больше всего смерд³ чествовал... Ему, поильцу, ему, милостивому кормильцу, и честнее и чаще справлял он праздники... Ему в почесть бывали пиры-столованья на брачинах-микульщинах⁴.

В день Микулы с кормом, после пиров-столований у богатых мужиков, заволжски ребята с лошадьми всю ночь в поле празднуют... Тогда-то в ночной тишине раздаются громкие микульские песни... Ими приветствуют наступающий день именин Матери Сырой Земли.

Минула свет, с милостью
Приходи к нам, с радостью,
С великою благостью!
Держимся за сошку,
За кривую ножку...

Мать Сыра Земля добра,
Уроди нам хлеба,
Лошадушкам овсеца,
Коровушкам травки!..

Минул праздник Микулы, минули именины Матери Сырой Земли, с первым сбором целебных зелий и с зилотовыми хороводами⁵. Глядь, честной Семик на дворе — завиванье венков, задушные поминки. В тот день под вечер, одни, без молодецв, собираются девушки. Надев зеленые венки на головы, уходят они с песнями на всполье и там под ракитовым кустом стряпают «сборну яичницу», припевая семицкие песни. Завив венки, целуются через них и «кумятся» при звонких веселых песнях:

Покумимся, кума, покумимся,
Мы семицкою березкой покумимся.
Ой Дид Ладо! Честному Семику.
Ой Дид Ладо! Березке моей,
Еще кумушке да голубушке!
Покумимся,
Покумимся,
Не сваряся, не браняся!
Ой Дид Ладо! Березка моя!

Тут же и «кукушку крестят». Для того, нагнув две молодые березки, связывают верхушки их платками, полотенцами или лентами и вешают на них два крестательника⁶. Под березками растилают платки, кладут на них сделанную из кукушкиных слезок⁷ птичку, и, надев на нее крест, попарно девушка с девушкой ходят друг другу навстречу вокруг березок, припевая:

Ты, кукушка ряба,
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушка,
Покумимся, голубушка,
Чтобы жить нам, не браниться,
Чтоб друг с дружкой не свариться.

С тех пор семицкие кумушки живут душа в душу целых три дня, вплоть до троицы. Случается, однако, что долгий язычок и до этого короткого срока остужает семицкое кумовство... Недаром говорится пословица: «Кукушку кстили, да языка не прикусили».

А чрез день от честного Семика — «Клечальна суббота»...

В тот день рубят березки, в домах и по улицам их расставляют ради троицы, а вечером после всенощной молодежь ходит к рекам и озерам русалок гонять. Всю семицку неделю, что слывет в народе «зелеными святками», шаловливые водяницы рышут по полям, катаются по зеленой ржи, качаются на деревьях, залучая неосторожных путников, чтоб зашекотать их до смерти и увлечь за собой в подводное царство дедушки Водяного. Всю троицкую ночь с березками в руках молодые парни и девушки резво и весело, с громким смехом, с радостными кликами бегают по полям, гоняя русалок, а на солнечном восходе все вместе купаются в водах, уже безопасных от ухищрений лукавых водяниц... На троицу у молодежи хороводы, на троицу развиванье семицких венков, пусканье их на воду и гаданье на них... А у степенных женщин и старушек на тот день свои

заботы — идут они на кладбища и цветными пучками, что держали в руках за вечерней, прочищают они глазыньки родителям⁸.

И так день за день, неделя за неделей, вплоть до Петрова дня... Что ни день, то веселье, что ни вечер, то «гулянка» с песнями, с играми, с хороводами и гада-
ньями... Развеселое время!..

***

В скитах гулянкам места нет... То бесовские коби, твердят старицы белицам, от бога они отводят, к бесам же на пагубу приводят. То сатанино замышленье, враг божий тем позорам людей научил, да погубит их в вечной муке, в геенне огненной... Имели скиты влияние на окрестные деревни — и там водят хороводы не так часто, не так обрядно и не так весело, как в других местах России. Молоды ребята больше играют в городки⁹, а девушки с молодыцами сидят перед ними на завалинах домов и редко-редко сбегутся вместе за околицу песенок попеть да походить в хороводах вялой, неспешной поступью... Зато другие за Волгой забавы есть: катанья в ботниках¹⁰ по вешним разливам с песнями, а часто и с ружейной пальбой, веселье гулянки по лесам и вечерние посидки на берегах речек... Опречь того, есть еще особый род сходбищ молодежи, только заволжским лесам и свойственный.

В лесах Керженских, Чернораменских скиты стоят издавна, почти с самого начала церковного русского раскола. Одни еще по смерти своих основателей обезлюдели; другие уничтожены во время Питиримова разоренья¹¹.

На местах запустелых скитов остались гробницы старцев и стариц. Некоторые из них почитаются святыми. К этим-то гробницам и сходятся летом в известные дни на поклоненье. Матери-келейницы служат там «каноны за единоумершего» и поставляют прихожим богомольцам привезенную с собой трапезу. Оттого охотников до богомолий на гробницах всегда бывает довольно. Под полами приносят они и штофы с вином, и балалайки, и гудки, и гармоники. Только что кончится трапеза, вблизи гробницы на какой-нибудь поляне иль в перелеске гульба начинается, и при этой гульбе как ни бьются, как ни хлопочут матери-келейницы, а какая-нибудь полногрудая белица уж непременно сбежит к деревенским парням на звуки тульской гармоники.

Такие сборища бывают на могиле старца Арсения, пришедшего из Соловков вслед за шедшей по облакам Шарпанской иконой богородицы, на могиле старца Ефрема из рода смоленских дворян Потемкиных; на пепле Варлаама, огнем сожженного; на гробницах многоучительной матушки Голиндухи, матери Маргариты одинцовской, отца Никандрия, пустынника Илии, добрым подвигом подвизавшейся матери Фотинии, прозорливой старицы Феклы; а также на урочище «Смольянах», где лежит двенадцать гранитных необделанных камней над двенадцатью попами, не восхотевшими Никоновых новин прияти¹². Но самое главное, самое многолюдное сборище бывает в духов день на могиле известного в истории раскола старца Софонтия. Его гробница в лесу неподалеку от деревни Деянова.

Мать Манефа была очень довольна троицкой службой, отправленной в ее часовне. От согласного пения обученных Васильем Борисычем певец пришла она в такое умиление, что не знала, как и благодарить московского посла. Осталась довольна и убранством часовни, в чем Василий Борисыч также прини-

мал участие. Он расставлял вокруг аналогия цветы, присланные от Марьи Гавриловны, он украшал иконы, он густыми рядами расставлял березки вдоль часовенных стен... Как было сдержаться московскому певуну от таких хлопот, когда тут были все пригожие белицы, весь правый клирос Марьюшкин, а в том числе и полногрудая, румяная смуглянка Устинья Московка?..

— Уж как же я вам благодарна¹³, Василий Борисыч, — говорила Манефа, сидя после службы с московским посланником за чайным столом. — Истинно утешил, друг... Точно будто я на Иргизе стояла!.. Ангелоподобное пение! Изрядное осмогласие!.. Дай тебе, господи, доброго здоровья и души спасения, что обучил ты девиц моих столь красному пению... Уж так я много довольна тобой, Василий Борисыч, уж так много довольна, что рассказать тебе не умею.

— Таких певиц, какие у вас, матушка, подобраны, — обучать дело не мудрое, — с скромным и ласкающим выраженьем в лице ответил Василий Борисыч. — Хороши певицы в Оленеве, а до ваших далеко им...

— Вы это только одни приятные для нас слова говорить хотите, а сами вовсе не то думаете, — с лукавой усмешкой вступилась Фленушка. — Куда нашим девицам до Анны Сергевны, либо до Олимпиады, али до Груни келарной в Анфисиной обители!

— И те певицы хорошие — охаять нельзя, — молвил Василий Борисыч, обращаясь к Манефе. — Зато в певчей стае Анфисиных нет такой согласности, как у вас, матушка.

— Кланяйся, Марьюшка, благодари учителя, — засмеялась Фленушка вошедшей на ту пору головщице. — Тебе честь приписывают, твоему клиросу.

Марья головщица быстро взглянула на Василья Борисыча, едва заметно пересмеялась с Фленушкой и потупила глаза как ни в чем не бывало.

— Да, надо благодарить учителя, беспрременно надо, — говорила Манефа. — Ты бы вот, Фленушка, бисерну лестовку вынизала Василью-то Борисычу, а ты бы, Марьюшка, подручник ему шерстями да синелью вышила, а тебе бы, Устинья, поясок ему выткать хорошенкый.

— Ох!.. Искушение!.. Напрасно это вы, матушка, — молвил Василий Борисыч.

— За труды, друг, за труды, — сказала Манефа. — Без того нельзя. У нас в лесах не водится, чтоб добрых людей оставлять без благодарности. Уж это как ты себе хочешь, а поминок от учениц прими, не побрезгуй их малым приношением... Эх, как бы ты у меня, Василий Борисыч, всех бы девиц перепробовал, да которы из них будут способны, ту бы хорошенько и обучил. Вот уж истинно благодеение ты бы нашей обители сделал!.. Ну, да спасибо и за то, что над этими потрудился. Узрим плоды трудов твоих, навек останемся благодарны.

— Какие ж труды мои, матушка? — с смиренной улыбкой говорил на то Василий Борисыч. — Никаких мне трудов тут не было. Самому приятно было... Не за что мне подарков приносить.

— Со своим уставом в чужой монастырь, Василий Борисыч, не ходят, — отвечала Манефа. — Со вторника за работу, девицы.

— Искушение! — проговорил Василий Борисыч и молча допил простывшую перед ним чашку чая.

— А ты уж, Василий Борисыч, хоть сердись на меня, хоть не сердись, а я тебя из обители скоро не выпущу, — после недолгого молчания сказала Манефа. — По тому делу, по которому послан ты, обсылалась я с матерями, и по той об-

сылке на Петров день будет у нас собрание. Кроме здешних матерей, Оленевски ко мне приедут, из Улангера тоже, из Шарпана, из других скитов кое-кто. Из Городца обещали быть и с Гор...¹⁴. Мы пособорuem, а ты при нас побудь — дело-то тебе и будет виднее. На чем положим, с тем в Москву тебя и отпустим.

— Право, не знаю, матушка, что и сказать вам на это, — ответил Василий Борисыч. — Больно бы пора уж мне в Москву-то. Там тоже на Петров день собрание думали делать... Поди, чать заждались меня... Шутка ли! Больше десяти недель, как из дому выехал.

— Да что у тебя дома-то?.. Малы дети, что ли, плачут? Отчего не погостить?.. Не попусту живешь... Поживи, потрудишься, умирения ради покоя христианского, — сказала Манефа.

— Ох, искушение, — со вздохом проговорил Василий Борисыч. — Боюсь, матушка, гнева бы на себя не навести... И то на вознесенье от Петра Спиридонныча письмо получил — выговаривает и много журит, что долго замешкался... В Москве, отписывает, много дела есть... Сами посудите, — могу ли я?

— Завтра же напишу Петру Спиридоничу, — перебила Манефа. — И к Гусевым напишу, и к матушке Пульхерии. Ихнего гнева бояться тебе нечего — весь на себя сниму.

— Искушение!.. — со вздохом молвил Василий Борисыч. — Опасаюсь, матушка, вот как перед истинным Христом, опасаюсь.

— Ин вот что сделаем, — сказала Манефа, — отпишу я Петру Спиридоничу, оставил бы он тебя в скитах до конца собраний и ответил бы мне беспрерывно с первой же почтой... Каков ответ получим, таково и сотворим. Велит ехать — часу не задержу, остаться велит — оставайся... Ладно ли так-то будет?

— Нечего делать, — пожав плечами, ответил Василий Борисыч и будто случайно кинул задорный взор на Устинью Московку. А у той во время разговора московского посла с игуменьей лицо не раз багрецом подергивало. Чтобы скрыть смущенье, то и дело наклонялась она над скамьей, поставленной у перегородки, и мешкотно поправляла съехавшие с места полавошники.

— А тем временем мы работы для подаренья Василью Борисычу кончим, — молвила Фленушка.

— А вы на то не надейтесь, работайте без лени да без волокиты, — молвила Манефа. — Не долго спите, не долго лежите, вставайте поране, ложитесь попозже, дело и станет спориться. На ваши работы долгого времени не требуется, недели в полторы можете все исправить, коли лениться не станете... Переходиты, Устинья, в келью ко мне, у Фленушки в горницах будете вместе работать, а спать тебе в светелке над стряпушей... Чать, не забоишься одна?.. Не то Минодоре велю ложиться с тобой.

Радостью глазки у Василья Борисыча сверкнули. Та светелка рядом была с задней кельей, куда его поместили. Чуть-чуть было он вслух не брякнул своего: «искушенье!»... А Устинья застенчиво поднесла к губам конец передника и тихо промолвила:

— Чего ж, матушка, бояться во святой обители?

— Скажи матери Ларисе — указала я быть тебе при мне, — сказала Манефа. — Сегодня же перебирайся.

До земли поклонилась Устинья Московка игуменье. Честь великая, всякой белице завидная — у игуменьи под крылышком жить.

— А я бы, матушка, если благословите, сегодня же под вечерок в путь бы снарядился! — молвил Василий Борисыч.

— Куда бог несет? — спросила Манефа.

— Имею усердие отцу Софонтию поклониться, — ответил Василий Борисыч. — Завтра, сказывают, на его гробнице поминовение будет, так мне бы очень желательно там побывать.

— Доброе дело, Василий Борисыч, доброе дело. — одобряла московского посланника Манефа. — Побывай на гробнице, помяни отца Софонтия, помолись у честных мощей его...

Великий был радатель древлего благочестия!.. От уст его богоданная благодать яко светолучная заря на Керженце и по всему христианству воссияла, из рода в род славна память его!.. Читывал ли ты житие-то отца Софонтия?

— Не приводилось, матушка, — ответил Василий Борисыч. — Очень оно редко. Сколько книг ни прочел, сколько «сборников» да «цветников» на веку своем ни видал, ни в одном Софонтиева жития не попадалось.

— Сказание о житии и жизни преподобного отца нашего Софонтия и отчасти чудес его точно что редко; мало где найдется его, — молвила Манефа. — Ты послушай-ка, вот я расскажу тебе про него, про нашего керженского угодника, про скитского молитвенника преподобного и богоносного отца нашего Софонтия...

Был священноиноком в Соловецкой киновии, крещение имел старое, до патриарха Никона, хиротонию же новую, от новгородского Питирима... Пришел отец Софонтий в здешние страны и поставил невеликий скиток неподалеку от Деянова починка, в лесу. Первый он был в здешних лесах священник новой хиротонии... С него и зачалось «бегствующее» от великороссийской церкви священство... А до пришествия Софонтиева на Керженец, на Смольянах, у бояр Потемкиных да у Салтыкова, жил черный поп Дионисий Шуйский, пребывая в великом подвиге, да Трифилий иерей, пришедший из Вологды, да черный поп Сергей из Ярославля... И те отцы старого рукоположенья соборно прияли отца Софонтия... И жил отец Софонтий в здешних лесах немалое время, право правяще слово истины... Церковные обычаи утвердил, смущения и бури на церковь божию, от Онуфрия воздвигнутые, утишил, увещающе возмутителей и приводяще им во свидетельство соборные правила... Подвиги же его духовные и труды телеснии кто исповесть?.. И по многих подвигах течение сверши — ко господу отыде... И честные мощи его нетленны и целокупны во благоухании святыни почивают... Великие исцеления подают с верою к ним притекающим... И в том все христиане в наших лесах уверены довольно.

— Сказывали, матушка, про отца Софонтия, что людей он жигал. Правда ли это? — спросил Василий Борисыч. Нахмурилась Манефа, взглянув на совопросника.

— Не нам судить о том, — строго сказала она. — Нам ли испытывать дела отец преподобных?.. Это с того больше взяли, что отец Софонтий священноиннок Варлаама с братиею благословил в келии сгорети... А смутьяны Онуфриева скита в вину ему то поставили, на Ветку жалобны грамоты о том писали, а с Ветки отца Софонтия корили, обличить же не обличили... А хотя бы и вправду людей он жигал? Блажен извол о господе!..

Это нынешним слабым людям, прелестию мира смущенным, стало на удив-

ление, а прежним ревнителям древлего благочестия было за всеобдержный обычай... Оттого-то теперешни люди не токмо дивуются, но хулят даже сожженные грешныя плоти небесного ради царствия...

Крепости прежней не стало, по бозе ревности нет — оттого и хулят... Не читал разве, что огненное страдание угашает силу огня геенского?..

— Читать-то читал, матушка, — потупясь, ответил Василий Борисыч. — Как не читать?.. А что ж это вы про отца Варлаама помянули? — спросил он Манефу, видимо, желая отклонить разговор на другое... — Про него я что-то не слыхивал.

— Из здешних же отцов был, из керженских, — сказала Манефа. — Жил в пустынной келье с тремя учениками... В Поломском лесу недалеко от Улангера, на речке на Козленце, келья у него была. До сих пор благочестивые люди туда сходятся поклониться святому пеплу Христа ради сожженных... Пришел Варлаам в здешние леса из Соли-Галицкой, а в Соли-Галицкой был он до того приходским попом в никонианской церкви. Познав же истину, покинул тамошний град и паству свою, хотя пустыню лобызати и в предании святоотеческом пребыть...

Принят же был от отца Софонтия вторым чином, пострижения иноческого от руки его сподобился и, живя безысходно в келий, все священные действия над приходящими совершал. Много душевным гладом томимых, много спасения жаждущих в пустыню к нему притекало, он же, исправляя¹⁵ их, причащал старым запасом¹⁶, что от лет патриарха Иосифа был сохранен. Книг же имея довольно, отовсюду собираше правоверных на книгоучение, утверждая их в древнем благоверии. Уведали о том мирские галицкие начальники и послали ратных людей со всеоружием и огненным боем изыскать отца Варлаама и учеников его... И более шести недель ходили ратные люди по лесам и болотам, ищучи жительства преподобного. Он же, божественным покровом прикровен, избежа рук мучителей... Тогда изыде Варлаам из пустыни и прииде к отцу Софонтию совета ради, что сотворити при таком тесном обстоянии... И много беседоваху преподобные отцы от святого писания и всю ночь пребыли в молитвах и псалмопениях. И благословил пречестный отец Софонтий того пустынножителя Варлаама огненною смертию живот свой скончати, аще приидут к нему ратные люди, лести же их отнюдь не послушати...

Так поучал Варлаама блаженный Софонтий златоструйными своими усты: "Не бойся, отче Варлааме, сего временного огня, помышляй же о том, како бы вечного избежати... Малое время в земном пламени потерпети, вечного же царствия достигнути!.. Недолго страдати — аки оком мигнуть, так душа из тела выступит... Егда же вступишь во огонь, самого Христа узришь и ангельские силы с ним. Емлют они, ангелы, души из телес горящих и приносят их к самому Христу, царю небесному, а он, свет, их благословляет и силу им божественную подает... Чего бояться огня?.. Гряди с мучениками во блаженный чин, со апостолами в полк, со святители в лик!..

И тако довольно поучи Варлаама и благослови его ити в пустынную келию на сожжение... На утрине же ратные люди обретоша келию и восхотеша яти отца Варлаама со ученики его... Они же, замкнув келию, зажглися... И ужаснулись ратные, видя такое дерзновение... Лестию пытали самовольных Христовых мучеников из запаленной келии вызвать, обещая учинить их во всем свободны... Они же не смутишася... Аки отроцы вавилонстии в печи горящей, тако и они в келии зажженной стояли и среди пламени и жупела псалом воспевали: «Изведи

из темницы душу мою, — мене ждут праведницы!..» И тако сгорели телесами... Души же блаженных страстотерпцев, аки злато в горниле очищенное, ангелы божию взяху и в небеса ко Христу царю понесли. Господь благослови жертву сию чисту и непорочну.

— Невдалеке от Улангера то место, говорите вы, матушка? — погода немного, спросил Василий Борисыч.

— Лесной тропой вряд ли пять верст наберется, — ответила Манефа. — В том же лесу учительной матери Голиндухи гробница. И к ней богомольцев много приходит.

— Знать, то место, где сожглися? — спросил Василий Борисыч.

— Признаку теперь не осталось, ведь больше полутора года после того прошло! — ответила Манефа. — Малая полянка в лесу, старый голубец¹⁷ на ней стоит, а возле четыре высоких креста...

Вот и все... От жилья удалено, место пусто, чему там быть?.. Лет восемьдесят или больше тому еще находили угольки от сожженной Варлаамовой кельи. А ныне и того нет — все разобрано правоверными... По обителям те Варлаамовы угли сохраняются... И у нас в обители есть таковые угольки... Воду с них болящим даем, и по вере пиющих целения бывают.

— Дивные у вас, матушка, места по лесам, — с умилением молвил Василий Борисыч. — Ваши пустыни, яко книги, проповедуют силу божию, явленную во святых его угодниках.

— Дивен бог во святых его!.. — набожно сказала Манефа, опуская очи. — Люди мы, Василий Борисыч, простые, живем не ради славы, а того только испуем, како бы вечное спасение восхитити. Потому бумаге и чернилам повести о наших преподобных не предаем... Токмо в памяти, яко в книге, златом начертанной, хранима добробедные подвиги их... Поживи с нами, испытай пустынные наши места — возвестят они тебе славу божию, в преподобных отцах явленную... Много святопочитаемых мест по лесам Керженским и Чернораменским... Яко крин, процветала пустыня наша, много в ней благодати было явлено... А теперь всему приходит конец!.. — с тяжелым вздохом прибавила Манефа и поникла головой. Все молчали.

— Благословите же, матушка, — перервал молчание Василий Борисыч. — После бы трапезы отправился я к отцу Софонтию — утрению там ведь с солнечным восходом зачинают... Надо поспеть...

— Поспеешь, друг, поспеешь, — сказала Манефа. — Нешто я тебя пеша пушу?.. Обвечерет, велю подводу сготовить, к свету-то доедешь — ночи теперь светлые!.. На Ларионово поезжай, напрямиком... Дорога блага, зато недалеко... Пятнадцать верст, больше не наберется.

— Из вашего послушания, матушка, выдти не могу, — ответил Василий Борисыч. — Может, из обительских кто поедет? — спросил он.

— Как не поехать?.. Поедут, — молвила Манефа. — Завтра увидишь, как у нас память отца Софонтия справляют: сначала утрению соборно поем, потом часы правим и канон за единоумершего... А после соборного канона особные зачнут петь по очереди от каждой обители, из которой приедут старицы... Прежде сама я каждый год к отцу Софонтию езжала, ноне не могу, опять боюсь слечь... Аркадию пошлю, уставщицу, у нее же сродственники в Деянове есть, оно и кстати. И тебе с нею будет где пристать... Успокоишься там после службы-